

А. И. КОШЕЛЕВ

Записки

<фрагмент>

<...> Здесь считаю уместным поговорить обстоятельно о нашем кружке. Он составиля не искусственно — не с предварительно определенной какою-либо целью, а естественно, сам собою, без всяких предвзятых мыслей и видов. Люди, одушевленные одинаковыми чувствами к науке и к своей стране, движимые потребностью не попугаями повторять, что говорится там — где-то на Западе, а мыслить и жить самобытно, и связанные взаимною дружбою и пребыванием в одном и том же городе — в древней столице — в сердце России, — эти лишь видались ежедневно, обслуживали сообща возникающие вопросы, делили друг с другом и общественные радости (которых было очень мало, и общественное горе (которого было в избытке), и таким образом незаметно даже для самих участников составился кружок единоклубный и единомысленный. Он составиля так незаметно, что нельзя даже приблизительно определить года его зарождения. Он имел влияние сперва слабое, а потом все более и более действенное не только в литературе, но и в общественной, даже политической жизни России; а потому некоторые сведения о людях, его составлявших, и вообще о направлении этого кружка будут, думаю, не лишними, и тем более что эти люди, как отдельно, так и в совокупности, подвергались разным упрекам, насмешкам, клеветам и обвинениям, которых они нимало не заслуживали и которые главнейше исходили из того, что вообще мало знали эти личности, не понимали или не хотели понять их убеждений и даже нередко умышленно представляли последние в извращенном виде.

Этот кружок, как и многие другие ему подобные, исчез бы бесследно с лица земли, если бы в числе его участников не было одного человека замечательного по своему уму и характеру, по

своим разнородным способностям и знаниям, и в особенности по своей самобытности и устойчивости, т. е. если бы не было *Алексея Степановича Хомякова*. Он не был специалистом ни по какой части; но все его интересовало; всем он занимался; все было ему более или менее известно и встречало в нем искреннее сочувствие. Всякий специалист, беседа с ним, мог думать, что его именно часть в особенности изучена Алексеем Степановичем. Хомяков мог с полною справедливостью о себе сказать: «*Nihil humanum a me alienum puto*» *. Обширности его сведений особенно помогали, кроме необыкновенной живости ума, способность читать чрезвычайно быстро и сохранять в памяти навсегда все им прочтенное **. Весьма замечательно было в Хомякове свойство проникать в сокровенный смысл явлений, схватывать их взаимную связь и их отношения к целому, — к тому единственному, которое проявляется в истории человечества; и при этом чрезвычайная последовательность и устойчивость в главных основных убеждениях. Не Хомяковым ли указано нашей интеллигенции действие православия на развитие русского народа и на великую будущность, православием ему подготовленную? Не Хомяковым ли впервые глубоко прочувствована и ясно сознана связь наша с остальным славянством? Не им ли угаданы в русской истории, в русском человеке и в особенности в нашем крестьянине те задатки или залого самобытности, которых прежде никто в них не видал, даже не подозревал и которые, однако, должны возратить нашу отчасти слишком высоко и отчасти слишком униженно о себе мыслящую интеллигенцию на настоящую родную почву? Все товарищи Хомякова проходи-

* Ничто человеческое мне не чуждо (*лат.*). — *Ред.*

** В подтверждение этого рассказу два случая, которых я был свидетелем. Купил я три-четыре книги серьезного содержания; Хомяков выпросил их у меня на одну ночь; поутру рано книги были мне возвращены. Я читал эти книги две, три недели; и потом, при разговоре о них, я увидел, что Хомяков прочел их вовсе не бегло и многое в них заметил и подчеркнул, что ускользнуло от моего внимания. А вот образчик его памяти. Однажды, при богословском споре, Хомяков сослался на одного св. отца, которого творения имелись только в академической библиотеке, что при Троице-Сергиевской лавре. Мы усомнились в верности цитаты, особенно потому, что знали, что Хомяков более десяти лет не был у Троицы. Он положительно назвал сочинение и сказал, что приведенная им цитата находится на 10 или 12 странице книги. Мы написали одному приятелю в Лавре; и он вполне подтвердил не только самую цитату, но и страницу, указанную Хомяковым.

ли через эпоху сомнения, маловерия, даже неверия и увлекались то французскою, то английскою, то немецкою философиею; все перебивали более или менее тем, что впоследствии называлось западниками. Хомяков, глубоко изучивший творения главных мировых Любомудров, прочитавший почти всех св. отцов и не пренебрегший ни одним существенным произведением католической и протестантской апологетики, никогда не уклонялся в неверие, всегда держался по убеждению учения нашей Православной Церкви и строго исполнял возлагаемые ею обязанности. С юности и до самой кончины он неуклонно соблюдал церковные установления. В Париже, где в первый раз он был еще в молодых летах, им во время Великого поста не был нарушен строгий пост. Хомяков рассказывал, что, когда в Петербурге он был юнкером и потом офицером, товарищи его, мало знавшие установление своей Церкви, говаривали ему: «Уж не католик ли ты, что так строго соблюдаешь посты?» Он это делал не потому, что считал сухоядение верным путем ко спасению, а потому, что посты установлены нашею Церковью, что он не признавал за ее исповедниками права самовольно изменять ее установления и что не хотел отделяться в этом отношении от народа, строго соблюдавшего посты. Безусловная преданность православию, конечно, не такому, каким оно с примесью византийства и католичества являлось у нас в лице и устах некоторых наших иерархов, но православию св. отцов нашей церкви, основанному на вере с полною свободою разума, *любовь к народу русскому*, высокое о нем мнение и убеждение в том, что изучение его истории и настоящего быта одно может вести нас к самобытности в мышлении и жизни, — составляли главные и отличительные основы и свойства образа мыслей Хомякова*. Эти мысли свои он проводил всего больше в наших беседах, где они находили почву самую благодарную, особенно вследствие того, что философия, даже немецкая, далеко не вполне нас удовлетворяла; что мы чувствовали потребность большей жизненности в науке и во всем нашем внутреннем быте и что все мы ощущали и сознавали необходимость прекращения разрыва интеллигенции с народом, — разрыва, вредного для обоих, равно их ослаблявшего и препятствовавшего самостоятельному развитию России. Усиливали влияние Хомякова на нас следующие обстоятельства: полнейшая простота и искренность во всех

* Он вовсе не был «народником» в смысле Шишкова или последующих так называвшихся славянофилов под знаменем «Руси»; нет, он был далек от таких узких и вредных учений.

его словах и действиях, отсутствие в нем всякого самомнения и всякий гордости и снисхождение его к людям, доходившее до того, что он отрицал существование дураков, утверждавши, что в уме самого ограниченного человека есть уголок, в котором он умен и который нужно только отыскать. Еще помогало Хомякову в усилении его на нас влияния то, что он вовсе не был доктринером, безжизненным систематиком, требовавшим безусловного подчинения провозглашенным им догматам. Он охотно подвергал обсуждению самые коренные свои убеждения, вовсе не выдавал себя за непогрешимого или за проглотившего всю науку докторанта и любил вести споры по Сократовой методе. Хотя Хомяков никогда не выдавал себя за либерала, но никогда не укорял кого-либо в либерализме. Он уважал и ценил его и сам был отменно либерален как в своих мнениях и действиях вообще, так и в отношениях к собеседникам и даже к противникам, старавшись им доказать несостоятельность их убеждений и не позволяя себе действовать ни на кого, хотя словом, насильственно. Он легко переносился на точку зрения своих противников; иногда даже нарочно защищал крайние мнения в противоположность другим крайним мнениям. Так, не раз случалось ему прикидываться даже скептиком в спорах с людьми формально суеверно-набожными; и напротив того, он выказывал себя чуть-чуть не формалистом или суеверною старухою в спорах с людьми отрицательного направления. Это заставляло некоторых, плохо его понимавших, говорить, что Хомяков любит только спорить и что у него нет твердых постоянных убеждений; кто же хорошо его знал, тот видел в этом только способ, вовсе не предосудительный, часто весьма удачный и Хомяковым особенно любимый, к уяснению и уничтожению заблуждений и к утверждению того, что он считал истиною. Хомяков был столько же устойчив в своих основных убеждениях, сколько расположен к изменению второстепенных мнений по требованию обстоятельств и согласно полученным сведениям. В этих последних мнениях он вовсе не коснел: он постоянно развивался и очень охотно принимал все, что наука и жизнь доставляли нового. Хотя он скончался на 57-м году своей жизни, однако, зная его, можно утвердительно сказать, что если бы он дожил и до глубокой старости, то он не пережил бы себя; в нем было так много внутренней жизненности и восприимчивости к внешнему миру, что застой был для него невозможен.

Знаю, что заслуги и достоинства Хомякова еще далеко не оценены как следует, что его богословские сочинения, приведшие в трепет и ожесточение иезуитов, заставившие призаду-

маться некоторых англичан и протестантов и возвратившие к православию многих колебавшихся и блуждавших сынов нашей Церкви, в России еще запрещены и провозятся только в виде контрабанды *; и что его творения вообще, по большей части, покоятся на полках в библиотеках и книжных лавках. Думаю, однако, что недалеко то время, когда, наконец, великая польза деятельности Хомякова будет обще-сознана; и тогда нашему кружку будет поставлено в заслугу, что он содействовал к развитию мыслей Хомякова и что пшеничное зерно пало не на бесплодную землю.

Вторым деятелем в нашем кружке был *Иван Васильевич Киреевский*. Он был очень умен и даровит; но самобытности и самостоятельности было в нем мало, и он легко увлекался то в ту, то в другую сторону. Он перебивал локкисмом, спинозисмом, кантистом, шеллингистом, даже гегельянцем; он доходил в своем неверии даже до отрицания необходимости существования Бога; а впоследствии он сделался не только православным, но даже приверженцем «Добротолюбия»¹. С Хомяковым у Киреевского были всегдашние нескончаемые споры: сперва Киреевский находил, что Хомяков чересчур церковен, что он недостаточно ценил европейскую цивилизацию и что он хотел нас нарядить в зипуны и обувь в лапти; впоследствии Киреевский упрекал Хомякова в излишнем рационализме и в недостатке чувства в делах веры. Прения эти были чрезвычайно полезны как для них самих, так и для нас, более или менее принимавших в них участие. Эти беседы продолжались далеко за полночь и часто прекращались только утром, когда уже рассветало. Они оба друг друга высоко ценили, глубоко уважали и горячо любили. Деятельность И. В. Киреевского по разработке с православной точки зрения разных философских вопросов была весьма полезна и значительна. Его последние статьи, помещенные в «Русской беседе», явили в нем высокого и глубокого русского мыслителя, равно чуждого как ограниченности и сухости рационалиста, так и мечтательности и туманности мистика.

Другими собеседниками нашими были *М. П. Погодин*, *С. П. Шевырев*, *П. В. Киреевский* и некоторые другие лица. Первые двое никогда вполне не разделяли мнений Хомякова, найдя, особенно в первые годы, что по духовным делам он слишком протестантствовал и что русскую историю он переделывал по-своему, находил в ней то, чего там не было, и влагал в

* Слава Богу, теперь эти сочинения уже не запрещены и даже напечатаны без всяких урезок в Москве (1882).

нее свои измышления. Впрочем, впоследствии времени произошло некоторое сближение в мнениях Погодина и Шевырева с убеждениями так называемых славянофилов. *П. В. Киреевский* весь был предан изучению русского коренного быта, с любовью и жаром собирал русские народные песни, не щадил на это ни трудов, ни издержек и принимал деятельное участие в прениях только тогда, когда они касались любимых его предметов.

Впоследствии вступили в наш кружок две замечательные личности — *Константин Сергеевич Аксаков* и *Юрий Федорович Самарин*. Оба они были очень умны и даровиты; и хотя они были чрезвычайно дружны, однако свойства их ума и дарований были совершенно различны. В первом преобладали чувство и воображение; он страстно любил русский народ, русскую историю и русский язык и делал в двух последних поразительные, светоносные открытия. Правда, часто он впадал в крайности, и мысли, самые верные в основе, становились в его устах парадоксами; но любовь, которою все у него одушевлялось, приобретала ему друзей и последователей и усиливала его влияние в обществе, и особенно на женщин. *Ю. Ф. Самарин* действовал совершенно иными орудиями: у него по преимуществу преобладали критика, логика и диалектика. Тружеником был он примерным: во всю жизнь он учился; никакие трудности и работы его не устрашали; своим железным терпением он все преодолел. Он действовал сильно и в литературе, и в общественной, даже политической, жизни; он приобретал много ценителей и почитателей, но мало приверженцев и друзей. Оба они глубоко уважали *Хомякова*, высоко ценили его деятельность и признавали себя постоянно и охотно его учениками. Они принимали в наших беседах самое живое участие и вскоре сделались в нашем кружке первостепенными деятелями. Не могу здесь не упомянуть об *Иване Сергеевиче Аксакове*, тогда только вышедшем в отставку, поселившемся в Москве и начинавшем с нами все более и более сближаться. Тогда он был чистым и ярым западником, и брат его *Константин* постоянно жаловался на его западничество. О нем я буду иметь случай говорить впоследствии и не один раз.

Сообщая сведения об этом кружке, нельзя не упомянуть о людях, более или менее принимавших участие в наших беседах, хотя они вовсе не разделяли наших общих убеждений. Такими были — *Чаадаев*, *Грановский*, *Герцен*, *Н. Ф. Павлов* и некоторые другие умные и замечательные люди. *Чаадаев* охотно бывал на наших вечерних собраниях; но он особенно любил, чтобы его посещали по понедельникам утром. Тут происходили

горячие богословские и исторические споры; Чаадаев постоянно доказывал превосходство католичества над прочими вероисповеданиями и неминуемое и близкое его над ними торжество. Не менее настойчиво Чаадаев утверждал, что русская история пуста и бессмысленна и что единственный путь спасения для нас есть безусловное и полнейшее приобщение к европейской цивилизации. Легко себе вообразить, что такие мнения не оставались без сильных возражений со стороны Хомякова, и споры были столь же жаркие, сколько и продолжительные. С *Герценом* прения были более философские и политические. Начались они всегда очень дружелюбно и спокойно, но часто кончались настоящими словесными дуэлями: борцы горячились и расставались с неприятными чувствами друг против друга. Грановский, Н. Ф. Павлов и другие усердно поддерживали Герцена. Эти препирательства ожесточали наших противников; и они позволяли себе против нас вообще и против Хомякова в особенности даже клеветы. А мы пользовались делаемыми нам возражениями для полнейшего развития наших мнений и вовсе не относились враждебно к нашим противникам. За недостатком доводов они осыпали нас насмешками и сильно сердились; а мы смиренно им замечали: «*Tu te faches. Jupitère, donc tu as tort*» *. Это особенно их бесило.

Нас всех и в особенности Хомякова и К. Аксакова прозвали «славянофилами»; но это прозвище вовсе не выражает сущности нашего направления. Правда, мы всегда были расположены к славянам, старались быть с ними в сношениях, изучали их историю и нынешнее их положение, помогали им, чем могли, но это вовсе не составляло главного, существенного отличия нашего кружка от противоположного кружка западников. Между нами и ими были разногласия несравненно более существенные. Они отводили религии местечко в жизни и понимании только малообразованного человека и допускали ее владычество в России только на время, — пока народ не просвещен и малограмотен; мы же на учении Христовом, хранящемся в нашей Православной Церкви, основывали весь наш быт, все наше любомудрие и убеждены были, что только на этом основании мы должны и можем развиваться, совершенствоваться и занять подобающее место в мировом ходе человечества. Они ожидали света только с Запада, превозносили все там существующее, старались подражать всему там установившемуся и забывали, что есть у нас свой ум, свои местные, временные, духовные и

* Ты сердисься, Юпитер, следовательно, ты не прав (*фр.*). — *Ред.*

физические особенности и потребности. Мы вовсе не отвергали великих открытий и усовершенствований, сделанных на Западе, — считали необходимым узнавать все там выработанное, пользоваться от него весьма многим: но мы находили необходимым все пропускать через критику нашего собственного разума и развивать себя с помощью, а не посредством позаимствований от народов, опередивших нас на пути образования. Западники с ужасом и смехом слушали, когда мы говорили о действии народности в областях науки и искусства; они считали последние чем-то совершенно отвлеченным, не подлежащим в своих проявлениях изменению согласно с духом и способностями народа, с его временными и местными обстоятельствами, и требовали деспотически от всех беспрекословного подчинения догматам, добытым или во Франции, или в Англии, или в Германии. Мы, конечно, никогда не отвергали ни единства, ни безусловности науки и искусства вообще (in idea); но мы говорили, что никогда и нигде они не проявлялись и не проявятся в единой безусловной форме: что везде они развиваются согласно местным и временным требованиям и свойствам народного духа: и что нет догматов в общественной науке и нет непременных, повсеместных и всегдашних законов для творений искусства. Мы признавали первою, самую существенною нашею задачею — изучение самих себя в истории и в настоящем быте; и как мы находили себя и окружающих нас цивилизованных людей утратившими много свойств русского человека, то мы считали долгом изучать его преимущественно в допетровской его истории и в крестьянском быте. Мы вовсе не желали воскресить древнюю Русь, не ставили на пьедестал крестьянина, не поклонялись ему и отнюдь не имели в виду себя и других в него преобразовать. Все это — клеветы, ни на чем не основанные. Но в этом первобытном русском человеке мы искали, что именно свойственно русскому человеку, в чем он нуждается и что следует в нем развивать. Вот почему мы так дорожили собиранием народных песен и сказок, узнаванием народных обычаев, поверий, пословиц и пр. Замечательно, что то, что мы тогда говорили и утверждали, что возбуждало негодование и насмешки западников, сделалось теперь мнением и воззрением почти всех и каждого. Кто теперь не за связь со славянами? Кто теперь не за изучение русской старины, обычного народного права и других особенностей нашего народного быта? Кто теперь не признает в них глубокого смысла и великого для нашей будущности значения? Кто теперь отвергает действие народности в науке и искусстве? Конечно, есть еще пункты, и весьма важные, в которых так назы-

ваемые славянофилы стоят особняком и весьма расходятся с так называемыми западниками; но прежняя борьба и прежний антагонизм между ними ослабли и остались более в воспоминаниях, чем в действительности. Кстати здесь мимоходом сказать, что нас всего более обвиняли в китаизме, т. е. во вражде к прогрессу и в упорной привязанности к старым обычаям и формам. Время в этом отношении нас, кажется, всего лучше оправдало. Мы стояли не за обветшалое, не за мертвящее, а за то, в чем сохранялась жизнь действительная. Мы восставали не против нововведений, успехов вообще, а против тех из них, которые ложно таковыми казались и которые у нас корня не имели и не могли иметь. Не мы ли были самыми усердными поборниками освобождения крестьян, и притом с наделением их в больших по возможности размерах землею? Не мы ли оказались самыми ревностными деятелями в земских учреждениях? Подняли, одушевили, двинули вперед Россию не доктрины французские, английские или немецкие, а те чувства и мысли, которые живут в русском православном человеке и которые теперь почти противоположны западноевропейским стремлениям и понятиям. Новейшие события и настроение Англии и даже Франции во время борьбы славян на Балканском полуострове должны, кажется, отрезвить самых ярких западников. Настоящими прогрессистами и либералами были и теперь оказывается — мы, а не те, которые этими эпитетами себя величали. А называть нас следовало *не славянофилами*, а в противоположность западникам, скорее, *туземниками* или *самобытниками*, но и эти клички не полно бы нас характеризовали. Мы себе никаких имен не давали, никаких характеристик не присваивали, а стремились быть только не обезьянами, не попугаями, а людьми, и притом людьми русскими. <...>

